

УДК 378.02

Н.В. Буковская

НАУЧНАЯ ЭКСПЕРТИЗА КАК ФОРМА КОГНИТИВНОГО МЕНЕДЖМЕНТА

Научная экспертиза исследуется в контексте когнитивного менеджмента и функционирования университетов как фабрик мысли. Выделяются ее субъекты и функции. Дается типология. Выявлена противоречивая, двойственная природа научной экспертизы, обусловленная ее встроенностью в механизм принятия политико-управленческих решений. Проблематизируются вопросы объективности, ответственности, демократизации экспертизы. Рассмотрены модели научно-экспертного взаимодействия с властью. Показана роль университетов как «фабрик мысли».

Ключевые слова: университеты как «фабрики мысли», научная экспертиза, субъекты и функции научной экспертизы, принятие политических решений.

Инновационные формы когнитивного менеджмента в университете связаны с научной экспертизой. Наука и университеты всегда осуществляли так называемую внутринаучную экспертизу знания, наряду с которой постепенно стало возникать и вненаучное направление, выход за пределы «чистого познания». В обществе знания все более востребуется экспертная функция науки. А это, в свою очередь, способствует социализации и коммерциализации знания, развитию когнитивного менеджмента, появлению нового типа научного менеджера, а также фигуры ученого-эксперта, эксперта-специалиста. Конкретизация данного явления предполагает рассмотрение следующих вопросов: Кто является субъектом научной экспертизы? Какие функции она выполняет? В каких типах и формах проявляется? Как с помощью научной экспертизы осуществляется когнитивный менеджмент в университете? Чем определяется эффективность экспертизы как формы научного менеджмента?

Субъект научной экспертизы – это многоуровневое явление. Наука как эксперт выступает на трех уровнях: личность ученого; научное сообщество, коллективы ученых, научные и научно-экспертные организации (государственные и негосударственные); некоммерческие негосударственные общественные организации ученых. Взаимосвязь науки и политики, науки и общества осуществляется через авторитетных ученых, которые выступают как личность-коммуникатор, как посредник между обществом, государством и научным сообществом. В процессе научной экспертизы используется авторитет не только отдельных ученых, но и научных идей, теорий, а также научных институтов и организаций, университетов в том числе. Ориентация на авторитеты оптимизирует экспертную деятельность, так как общественность и сами ученые выделяют определенных авторов и профессиональные сообщества, вызывающие у них доверие. В то же время излишняя приверженность авторитетам, некритическое отношение к ним, их политизация и идеологизация могут играть негативную роль и служить основанием для развития авторитарных тенденций в науке.

Часто экспертиза намеренно деперсонифицируется, обезличивается. Это делается с целью подчеркнуть ее объективность и непредвзятость или же для того, чтобы уйти от ответственности. В любом случае за анонимностью экспертизы скрывается отсутствие персональной ответственности, что негативно сказывается на ее эффективности. Вопрос об объективности научной экспертизы связан с ее противоречивой природой: с одной стороны, она включена в научно-исследовательский процесс, в научно-познавательную деятельность, а с другой – в механизм принятия политико-управленческих решений. Научная экспертиза часто оказывается между моральными и политическими решениями, т.е. в ситуации морального выбора. Поэтому ее необходимо рассматривать в контексте вышеназванных аспектов, с привлечением адекватных подходов, с учетом дихотомии моральных и политических решений. В когнитивном аспекте в связи с продуцированием некоего оценочного знания, на наш взгляд, важное значение имеет анализ таких понятий, как «экспертное знание» и «экспертное мышление».

Научная экспертиза политико-управленческих решений предполагает синтез познающего и политического субъекта, коммуникацию научного и политического сообщества, университетов и власти. Безусловно, речь не идет о чисто механическом соединении, при котором утрачивается специфика того или иного субъекта. На кадровом уровне наиболее популярны два способа соединения: 1) когда в профессиональную политику идут ученые, оставляя при этом научно-исследовательскую деятельность; 2) политики, служащие госаппарата получают научную квалификацию. Второй способ часто связан с использованием служебного положения, когда научная степень получается ради имиджа «умного», «ученого» политика, из желания сравняться с научными экспертами, а также чтобы иметь перспективу для постполитической карьеры. В этом случае наука также предоставляет свои услуги политикам, – как говорится, был бы спрос. Есть и практика присвоения высокопоставленным политикам профессорского звания университетами и институтами без научных на то оснований. Так формируется «умный» парламент, «умная» администрация, «умные» министерства и пр., которые, собственно, могут уже и не привлекать внешних экспертов.

Научная экспертиза обладает рядом функций в механизме принятия политико-управленческих решений и управления знанием: консультативно-совещательная и рекомендательная, аналитическая, информационная, коммуникативная, посредническая, легитимации, лоббистская. При этом она может занимать как критическую, так и комплиментарную позицию по отношению к власти, что определяется степенью ее независимости. Политика стремится, с одной стороны, контролировать сферу знания, сферу науки, а с другой – использовать ее потенциал. Использование авторитета науки при принятии политических решений придает им статус истинных и обоснованных. Научная экспертиза выступает в этом случае как акт легитимации власти. В то же время научная экспертиза может служить некой ширмой, «козлом отпущения». Часто власть сохраняет лицо и не дает себя скомпрометировать непопулярными актами и, оставаясь «черным кардиналом», уходит в тень, перекладывает ответственность на науку. Однако и сама научная экспертиза под давлением власти может носить лояльный, комплиментарный и, как

следствие, псевдонаучный характер. Именно таков механизм встраивания науки в авторитарную политическую систему. Отсюда важное значение имеет взаимосвязь научной и социальной (общественной, гражданской) экспертизы, формирование модели открытой экспертизы [1].

Так как имидж политики выигрывает от сближения с наукой, то власть заинтересована в поддержании соответствующего имиджа науки и университетов в обществе. В то же время образ науки в современном обществе является неоднозначным в связи с рядом факторов: антисциентизмом, появившимся как реакция на сциентистское мировоззрение; утратой наукой привилегированных позиций в культуре; осознанием амбивалентности научного знания, недоверием к высказываниям ученых. Возникает вопрос о связи научной экспертизы с лоббированием интересов. Научные эксперты входят в механизм принятия политических решений как агенты наряду с другими участниками процесса. Они не относятся к лицам, которые принимают решения, но находятся с ними во взаимодействии. В силу данных коммуникаций (горизонтальных и вертикальных) функция лоббирования, видимо, осуществляется косвенным образом, особенно когда экспертиза задействована в выборе проектов государственных решений. В этой связи при определенных условиях имеются возможности и для коррумпированности. Все это предъявляет новые требования к науке, к модусу ее этической ответственности, а также и к самой научной экспертизе, к ее демократизации.

Для того чтобы эффективно выполнять свои функции, научная экспертиза приобретает институциональный характер. Для этого создаются специальные посреднические органы экспертного характера, в которых присутствуют представители научного сообщества. Эти органы могут быть четырех видов: государственные; негосударственные (коммерческие); негосударственные некоммерческие (элементы гражданского общества); смешанные. Они являются как долгосрочными, так и краткосрочными, ситуационными и, соответственно, связаны со стратегическими или тактическими проектами. Поэтому заказчиками научной экспертизы могут выступать как государственные, так и негосударственные структуры (партии, общественные организации, бизнес). То есть речь идет о научно-экспертной поддержке государства, гражданского общества, бизнеса и пр. Масштаб и уровень их могут быть различными. Можно говорить о глобализации этого процесса, о возникновении глобального уровня в рамках, например, процесса формирования глобального университета. Международные общественные фонды могут объединять ученых из различных стран и дисциплинарных направлений для научно-экспертной деятельности. Причем негосударственный сектор здесь занимает приоритет, так как ему проще преодолевать государственные барьеры. Специально созданные научно-экспертные организации в сфере научно-экспертного управления получили название «фабрики мысли» (think tanks), которые приобретают различные организационные формы (фонды, центры, институты, агентства) [2, 3]. Но в качестве таких центров могут также функционировать классические академические, научные и образовательные структуры (институты и университеты). Таким образом, налицо как традиционные, так и новые структуры. Университеты могут выступать не только как научно-исследовательские и образовательные комплексы, но и как научно-

экспертные. При этом заказ научной экспертизы является способом управления развитием знания.

Выделяют три основные модели организации научно-экспертной поддержки власти: североамериканскую, европейскую, азиатскую [3. С. 139–181]. Североамериканская модель, оформившаяся в США, является наиболее зрелой и выступает во многих смыслах в качестве образца. Здесь фабрики мысли представлены во всем многообразии их специализации и масштаба (от небольших центров до крупных корпораций), а также идеолого-партийной ориентации (от консервативно-республиканских до либерально-демократических). Если изначально они создавались и финансировались государством, то постепенно приобрели самостоятельный характер. Многие из них носят межуниверситетский характер, сформированы на базе нескольких университетов. Некоторые авторы утверждают, что университеты здесь занимаются узкообразовательной деятельностью и не выступают в роли «фабрик мысли» [3. С. 179], оставаясь поставщиком интеллектуальных кадров. Однако это не совсем так, особенно для крупных университетских комплексов, связанных так или иначе с выработкой политического курса (как для правящей партии, так и для оппозиционной) и имеющих идеологические предпочтения. В их структуру могут быть включены фабрики мысли на правах исследовательских институтов. В силу регулярной ротации правительства здесь именно по зеркальному принципу создавались леволиберальные и консервативные университеты. Так, например, создание Стэнфордского университета в 60-е гг. задумывалось как консервативная альтернатива Калифорнийскому университету Беркли.

В европейской модели, так же как и в североамериканской, первостепенное значение имеют не университеты, а специально созданные структуры, но к ним прибавляются еще ассоциированные с партиями общественные фонды, которые играют роль двойного опосредования; также здесь существует более высокая степень децентрализации. В азиатской модели акцент делается, наоборот, только на университетах; коммуникация науки и власти, в отличие от первых двух моделей, не опосредована специальными достаточно независимыми структурами, а централизована и подчинена государству [3. С. 161–168]. Представляется, что эти три модели можно рассматривать как исторические, социокультурные и социополитические типы взаимодействия науки и власти. Специфика азиатской модели определяется не только культурной самобытностью, но и последствиями социалистического уклада (если речь идет о Китае) с сильным, централизованным государством, патернализмом, партийным и идеологическим монополизмом, что определяет наличие одного заказчика. Становление и развитие сети негосударственных заказчиков напрямую связаны с процессом демократизации и децентрализацией научной экспертизы, отсутствием жесткого контроля и регуляции. В принципе, имеет смысл выделить две основные модели запад – незапад, а внутри каждой из них – подтипы или субмодели. В связи с этим европейская и североамериканская модели будут выступать разновидностями более общей западной модели. Тогда логично будет выделить переходные, гибридные варианты. Современная Россия, согласно этой логике, демонстрирует переходность от западной (азиатской) к западной модели, от авторитарной к демократической.

На основании многообразных критериев классификации можно выделить различные виды и типы научной экспертизы. Научная экспертиза может осуществляться, во-первых, на различных уровнях власти (федеральном, региональном и местного самоуправления); в различных ветвях власти (законодательной и исполнительной), во-вторых, в различных сферах (образовании, здравоохранении, экономике, атомной энергетике, внешней политике, экологии и т.п.); в-третьих, перманентно или ситуационно; в-четвертых, междисциплинарно, комплексно или монодисциплинарно, системно или структурно; в-пятых, независимо или ангажированно; в-шестых, закрыто (в режиме секретности) или открыто; в-седьмых, официально и неофициально; в-восьмых, традиционными и инновационными структурами. Формы и типы экспертизы во многом определяются и объектом экспертирования – его сложностью, неопределенностью, самоорганизацией. Нарастание сложности особенно характерно для многоуровневых и полифункциональных социальных проектов. В данной статье мы не будем рассматривать подробно все эти виды, ограничимся некоторыми замечаниями.

Особенности принятия решений в законодательных и исполнительных органах определяют специфику научной экспертизы, поэтому выделяются, соответственно, два ее вида. Если в первом случае она носит более публичный характер в связи с голосованием решений, то во втором более закрытый, в связи с их согласованием. Научная экспертиза может быть задействована на различных стадиях (фазах, циклах) продвижения политических решений: подготовке, принятии, исполнении, оценке результатов и последствий. Но в основном политика использует научную экспертизу на стадии подготовки решений (проектов), а не их принятия. Чем более демократичная система, тем более открытым публичным является процесс принятия политических решений и тем больше агентов в нем задействовано. Это уже не короткий волюнтаристский акт полукулуарного характера, а система согласований и с общественностью, и с группами интересов, и с наукой. И наука в нем уже представлена дифференцированно, с учетом плюрализма мнений.

Необходимо учесть конкретно-историческую ограниченность научной экспертизы, в силу неполноты информации, ограниченности познавательных возможностей субъекта, неизбежности ошибок (согласно диалектике абсолютной и относительной истины, концепции «ограниченной рациональности»). Часто власть использует инерцию научных экспертов, их консервативное нежелание расставаться с устаревшими теориями. Когда же власть поддерживает ошибочные варианты, отсекая научную дискуссию, в силу идеологических или политических причин, это негативно сказывается на качестве научной экспертизы. Коммерческие интересы заказчика также могут приводить к псевдонаучным экспертным заключениям. Именно поэтому большое значение имеет свободное обсуждение различных подходов и экспертных позиций, наличие многообразных научно-экспертных центров. Формирование нового типа научного менеджера [4. С. 96] является необходимым условием этого процесса.

Важно отделить научное знание от идеологий, так как очень часто идеологизированное знание блокирует истинную научную экспертизу и она подменяется экспертизой идеологической. Эта опасность существует в обществе

вах с монологическим политическим дискурсом. В плюралистических обществах заказчиками научной экспертизы выступают различные политические партии и идеологии. В этом есть положительный момент, так как взаимная критика с привлечением научного обоснования вскрывает различные аспекты проблемы или проекта, нейтрализуя ненаучные моменты. Тем самым осуществляется управление развитием знания, с опорой на самоорганизующиеся процессы. Негативная сторона состоит в том, что объективное рассмотрение подменяется политическим и идеологическим. Возникает необходимость целостного применения науки и знания, в его не только техническом, но и социогуманитарном содержании. Для релевантной научной экспертизы необходимо, чтобы и техническое, и социогуманитарное знание попадало в процесс принятия политических решений. Кроме того, необходима междисциплинарная коммуникация как внутри отдельных блоков знания (технического, естественнонаучного, социогуманитарного), так и между ними. И именно экспертиза сложных объектов способствует данному процессу. В связи с расширением экологической экспертизы, например, актуализировалось развитие междисциплинарного экологического знания.

Итак, появление разнообразных организаций-посредников, а также независимых (полностью или частично) университетов является важным условием формирования демократической модели научной экспертизы и управления развитием знания.

Литература

1. Буковская Н.В. Гражданская экспертиза и техники власти / Новый политический цикл: повестка дня для России. М.: Российская ассоциация политической науки, 2008. С. 33–38.
2. Rich A. Think Tanks, Public Policy and the Politics of Expertise. Cambridge: Cambridge University Press, 2004.
3. Якунин В.И., Сулакишин С.С., Валисов М.В. Наука и власть. Проблема коммуникаций. М.: Научный эксперт, 2009.
4. Вейт-Браус И. Создание современного образа ученого: ученый как нравственная личность // Личность ученого: социально-психологический портрет. М., 2009. С. 95–103.